

Луганскъ

26^е Декабря 1915 г.

Блудноуважаемая,

Дмитрийъ Словочевъ,

Очень была обрадована, получивъ Ваше письмо и узнавъ, что все семья Ваша здоровы, прибавилось числомъ и что Вы живете все вместе своими силами въ Москве; последнее какъ-то особенно подвигнуло на мое воображеніе; хотѣлось бы нарисовать себя эту идиллію, но письмо Ваше не дало материала для фантазій, оно подавило своимъ реализмомъ и при томъ дышетъ такой иеріей и полно такой движеніемъ, что не могло лишь остановиться на томъ, что для благополучнаго расейника дороже всего, — покой, уютъ и прг. Конечно, благополучіе вещь относительная, — вотъ взятъ хоть мѣсяцъ поприамуръ: живу безъ нужды, жалованья получаю 250 р. жена живетъ съ дѣтьми въ Луганскѣ, а я на рудникахъ въ Човерстадѣ живу одинъ, но по договору съ владѣльцемъ каждыя недѣлю въ Луганскѣ; тоже свидѣательно поощряетъ въ движеніи, только не по общественнымъ вопросамъ. Случай у меня легкий, — рѣшено я итти впередъ по разводамъ, но въ то же время своего представителя техническаго совѣта рудника. Дѣло у насъ управляетъ не обычно однимъ лицомъ, а вѣдѣющимъ отъ себя отдѣломъ — Комиссіей и какъ это не странно дѣло идетъ хорошо, рудники работаютъ до 12 часовъ нуд. въ годъ.

Инженера у нас тоже нет; директора-распорядителя
срочно и я не считаю, ведь как он попла-
тит франковую сторону дела и больше живёт
в Петроград. На Камышловых мы живём все
вместе на руднике. Дети мои все уехали в Луганск,
Мария в 7-м, Коля в 6-м, Боря в 2-м и Коля готовится
в призывательный. Слово все, ведь правильно
говорит, благополучно, только не уверяют
в завтрашнем дне косяк охватывает село, да
вот до школы не удалось обзавестись, ведь как
на Луганск смотреть, ведь на промежуточные
станции, а не на место, где хотелось бы жить,
но может быть, что тут и поведать этап, отсюда
придет путь в безвозвратный путь; путь по которому
ушел и, прекраснейший из больших людей, наш
дорогой Леонид Иванович.

Познакомился я с е. в. в апреле 1894г. довольно
оригинально. Будучи на одном руднике близ ст. Амматин
в свободную минуту ходил в степь гулять по гру-
дам известняков; степь в то время была еще широкая
ровная; известняковой грядки, приудило уставать по
ней, убогали в горизонту и казалось, что путь или
конца; но конец был и был какой-то азарт близость
е. убога на убога, некая потерянную грядку и снова
сидит е, пока безжалостный рельеф или какое
околоительно не оборвет пути. В одну из таких

процесс Я забрел далеко от пещеры и взбирался на
один гребень, вдруг столкнулся с господином в легкой
пальто и войлочной шапке, это было так же нео-
жиданно, что я первую минуту слышал, но уви-
дев в руках у него особый молоток, сразу понял,
что мы по общему делу, а Л.И. с добродушной
улыбкой уже шел ко мне и мы разговорились.

Рядком простота обращений, вместе с необыкновен-
ной общительностью охарактеризовали меня; громадная
энергия этого человека, так же естественная из под
свободной внешности и приветливый подвиг в его
служении делу. В то время странно казалось,
что человек поводит себя, такому однообразному
и бедному строению, как уловивший патентованной
в своих песчанниках и известняках и помнит
кто многие инженеры считали Л.И. куда-то, беспо-
лезно традициям своего энергия, неизвестно на что
и для кого. Но скоро все понял и не было человека,
который бы сотни раз не прибегал к Л.И. за помощью
и Л.И. сотни верей прибегал по нужным делам и
принимал свое апостольское откровение.

Апостольское по тому, что исходило его откровение
только из одного побуждения - открыть, без всякого
пристрастия и без всякой корысти. Окружающие поспе-
тали это рудой простотой, бросились извещать
рывать ее, а она все открывалась и открывалась, как бы

не замечая никаких взглядов, обращавших к нему с
невинной улыбкой на устах, но Л.И. все видела; но
это была тишина, в которой не прельщала ржавчина
современного торгашества; в его руках могли бы
быть миллионы русских денег, но ^{они} лишь презрели;
это знало здесь все и этим овладевает громадная
популярность этого человека. Не меньшей популярностью
пользовались здесь и ближайшие сотрудники Л.И., которые
выступили с наукой они впадали и равнодушные к обогащению,
но к сожалению далеко не все могут считать посетителя
идеи своего учителя; многие еще при жизни Л.И. поворачи-
вались и пробовали советовать суждение науки и "доложи",
благодаря чему пала тень на знамя, под которым Л.И. и нужно
опять смелый свет, чтобы разогнать тень; такой свет
у Вас есть и он воздается. Были тьмы и на Л.И., были
и ошибки в науке, но никогда не было корысти. Даже
после тьмы 1905. Когда люди с "Всеросс" были модирова-
ны безработными профессорами, все таки при великой необходимости
прибегали и пользовались авторитетом отверженного.
Л.И. все так же попрежнему неутомимо бьется по полям
с утра до позднего вечера под проливными дождями, проверяя
работу своих помощников, презирая лишь дать свое заклю-
чение; возвращался домой голодный, холодный на своем переде-
лывало дело и будь Л.И. садился писать письма. Отдохните
Л.И., завтра напишите; куда вам спешить, ведь не слу-
жите вы теперь. " Не служу ^{ни} того, что царь меня не любит, а я
царю люблю " говорил Л.И.

Козьва, где приходилось поселимсьел А.И. всегда были рады, но поздники всегда были ветревозкемы, такъ какъ ни одно кушанье не могло дождатсьел А.И. во всеи своей прелести, а если и случалось А.И. попасть на кушанье вовремя, то равнодушнй къ яству еще болше обезпокоивало Козьву, наприме были все увещаннй и молббы съушанть еще Кросекъ, А.И., машинально поговъ цело-нибудъ, медаль какъ, который мо биль. Не любилъ онъ и помощниковъ сладкостъ^{ул} особенно студентовъ, - любилъ людей по прозе, - штейперовъ любилъ, но въ помощники иль къ себѣ не бралъ, - не было смысла.

Долго служилъ у А.И. Горловъ, Моисей Степановичъ, изъ Лисичанска, человекъ былъ преданный, лять 20 ходилъ съ А.И. собирать коллекции и заботился о всяких мелочахъ житнй, онъ же первый раздѣлялъ и радости поймааного сброса или найденнаго корала въ известнякѣ, въ такой моментъ было трогательное единеннй Козьва и работни ка; но годы шли; Моисей постарѣлъ, онъ уже не могъ угоднть за А.И., началъ терпѣть его въ стени и въ одиночествѣ кое-какъ доплетаемъ до конца; пришлое проситъ отставки, а на свое мѣсто поставитъ сына. Бывало предлагали выдѣть лошадей провѣстъ въ мѣстѣ, оставленной на конуны, работы; ни за, кто не допроемсьел, обязательно - выдѣломъ мѣль, очевидно мысль его требоваела поетолннаго пополненнй „франтиксекало матернала“, сидѣтъ въ зданнхъ ему было скучно.

До подвннй А.И. въ Донецкомъ бассейнѣ все было гладко,

с его первенством шло это, то там, то слово кара-
ла передавалось сбросками; потому выдвинулось, что
большинство иностранных предприятий землекопичи
свои большие шашты, аккурать в сбросе; для мно-
гих обстоятельств это было роковым, да и прежде
в этом отношении не отставали; это было тем же
более странно, что уже было у кого спросить события.
В конце концов, научные горькие опытом, все на-
комы спрашивать А.И. а потому это уже было прямо
привычным, не покупать дрова без записки А.И.
Плохо пришлось добывать: блестящий, но лишь лютый,
дрова проваливались одно за другим; вот уже все,
Козанов, облажено: планы разрисованы, планы вы-
ведены, запасы подсчитаны, барыши рассчитаны, у ма-
леров кулики в шашах, маж и прилагать, остановка
только за подписание Лутурина, который, всегда гото-
вый к делу, доставал свою карту и
в пять минут разрушал все иллюзии: „тут у
вас нулевого света $C\frac{2}{7}$, а тут в уголке
сет и продуктивна, но тут аккурать проходить
сброску, а за ним угол растет не едет.“
И через блестящий план продолжалась красная чер-
та сбросе, - удовольствие в котором А.И. не мог себя
отказать. Тогда все стали говорить: „что это
такое? вот Лутурин, там и сбросе; все инженер
находит участок прекрасней, а у него едет“

сбрось, да и кто такое сбрось? на ветрах болышиях рудники
есть сбрось, это даже лучше, - свита удваивается!"

Противъ этого А.М. уми не спорилъ. Конечно хотъ быль
А.М. когда замысиль, что чрезъ его посредство, хотиль право
составъ къ казенному пирогу, тутъ уми никому пощады
не было. Ветъ болышия дѣльцы оми хорошо знали, что
безъ Лутурина неильзъ провести болышого дѣла и потому
въ посылднее время, еликали только того казенничий дѣль-
цой, кто умиль изобрѣсти способъ, какъ обезвредитъ
себя отъ Лутурина, предварительнo узнавъ о своемъ дѣль
оми ливнѣе. Все это создало много недовольствъ, узрѣв-
шиль, въ секретическихъ отзывахъ Лутурина, болышой вредъ
дѣль развѣтѣй отечественной промышленности, что маель,
дѣль неиль поубиено или еильно затормозено. Конечно,
были и такіе случаи, но развѣ дѣль въ отдельныхъ случаяхъ
возможно было прикупить ветель ранние изслѣдованья
дороженнo каждое дѣль, а тогда уми рѣшилъ оми.

А.М. любиль Донецкій бассейнъ, но не быль о немъ особенно
высокого мивнѣй, называлъ оми: "дерболомъ" ^{и слоенный пирогомъ} мивнѣй Корн-
томъ ель верлишелю", но это много обижалель, въ томъ
мивнѣй и д, и просиль указать, на что-лико лучше и А.М.
не колебалель указать на Кузнецкій бассейнъ, [гдѣ Советъ
еми не удостоилъ мивнѣй побыванъ.]

Дружилъ военноплатѣй о А.М. такъ елиазанъ, не плавъ.
тавоиль у мивнѣй мало. любиль онъ разеазыванъ;
въ разеазанъ оми всегда еливозила партѣйность.

Помню, когда он разговаривал провал диссертации
Мурзавова; как на студенческие сходках, для решения
вопросов прибывал он в своем „бронетанке“ подлин-
ное выражение Л.И., под которым надо понимать, еврей
и казавшийся келовьдов, а так потом называют инород-
цами, кто очень сердито Запета. В разговорах о предер-
жающих, отношение Л.И. всегда было прохладное, но
не злое. Обо всем Л.И. говорит откровенно, только о жене
никогда в его разговорах никогда не упоминалось, только
идея не была на свете; только при последней встрече
весною 1914 года на землях Александры (бронетанка)
близ ст. Первоозновки, когда Л.И. предложил мне по-
ехать на несколько месяцев в сибирь по делам Вольгу и
я отказался, не решаясь оставить жену и детей, Л.И. ста-
вал: „а если заманут вас на несколько месяцев“
Из этого можно заключить, что Л.И. удалось возвести
свою дочь до свободы, при которой уже Симеон совет
не обязательны для келовьдов и что он должен жить
жить, при нем, как бы без него.

Малому келовьду трудно дойти до такого понимания; до
такого блага; надо переродиться.

На этом разрешите закончить, ибо сейчас пора, что надо
привести и все писать. Прощу передать мой низкий под-
пись любознательной Елене Ульяновне, а также Владимиру
и его жене моей Вере Васильевне. Ваша Ольга Дмитриевна,
оскаротавшая меня в Нижегородь уже студентом; ну что мне
ко? Ничего не доучаю; мать и брат на семейном обеде мое
помирятся, но добрее — нет. Впрочем, я ем бы откровенно келовь
таким и отчасти его преданным уважением М. Ревдеев.